

Время детства и художественное пространство в поэзии Геннадия Айги

Татьяна Витальевна КУДРЯКОВА

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет»
432027, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0610-871X>, e-mail: tatiusw@mail.ru

Childhood time and literary space in the Gennadiy Aygi's poetry

Tatiana V. KUDRYAKOVA

Ulyanovsk State Technical University
32 Severny Venets St., Ulyanovsk 432027, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0610-871X>, e-mail: tatiusw@mail.ru

Аннотация. Освещены некоторые особенности презентации образов пространства в поэзии Геннадия Айги, которые нередко оказываются связанными со временем и образами детства. Проанализированы природные топосы леса, поля и т. п., в том числе место отдельного растения, детское тело как место, а также места смерти. Сделан вывод, что образы детства способны задавать позитивный вектор истолкования природного пространства либо создавать смысловой контраст в контексте антропогенных смертных пространств. Растительные топосы, наделяемые чертами детскости, и топосы детского тела рассматриваются с позиции общекультурного архетипа «божественного ребёнка». При этом, по нашему мнению, растительные образы могут быть соотнесены с национально-мифологическими образами родной культуры поэта, а гиперболизация тела ребёнка, представленного в качестве безграничного, всеобъемлющего пространства, есть индивидуально-поэтическая реализация образа гротескного тела.

Ключевые слова: время и образы детства; природное пространство (место растения); телесное как место; смертные пространства (места смерти); Г. Айги; русская поэзия XX века

Для цитирования: Кудрякова Т.В. Время детства и художественное пространство в поэзии Геннадия Айги // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 566-572. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-566-572

Abstract. Certain features of spatial images representation in the Gennadiy Aygi's poetry which are often related to the time and images of childhood are highlighted. The natural topoi of the forest, field, etc., including the place of an individual plant, the child's body as a place and the mortal places are analyzed. It is concluded that childhood images are able to set a positive interpretation vector of the natural space or create a semantic contrast in the context of anthropogenic mortal spaces. The plant topoi endowed with the traits of childishness and the child's body topoi are considered from the position of the general cultural "divine child" archetype. At the same time, according to our opinion, plant images can be correlated with national and mythological images of the poet's native culture, and hyperbolization of the child's body, which is presented as a limitless, comprehensive space, is an individually poetic realization of the grotesque body's image.

Keywords: time and images of childhood; natural space (place of a plant); body as a place; mortal spaces (death places); Gennadiy Aygi; Russian poetry of the 20th century

For citation: Kudryakova T.V. Vremya detstva i khudozhestvennoye prostranstvo v poezii Gennadiya Aygi [Childhood time and literary space in the Gennadiy Aygi's poetry]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 566-572. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-566-572 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Детство является одной из важнейших временных координат лирического события в поэзии Геннадия Айги. Значительная часть его стихотворений включает общие, отвлечённые образы детства (были проанализированы следующие издания: «Отмеченная зима», 1982; «Здесь», 1991; «Теперь всегда снега», 1992; «Собрание сочинений» в 7 томах, 2009; стихотворения цитируются без отсылки к тому или иному изданию). Следует обозначить и стихи, где образ ребёнка – конкретной личности – становится центральным. Это стихотворения, посвящённые детству дочери поэта – Вероники (книга «Тетрадь Вероники», 1984), сыновей («Утро – при детстве другого (Сыну Андрею)», 1966; «И: роза-дитя (Сыну Алёше)», 1974 и др.), а также посвящения детям вообще: девочке Асе («Часто подходит к нам пятилетняя Ася», 1983); французской девочке Сильвии Де Пилла («Мир Сильвии», 1991) и др. Нередко в стихотворениях угадываются биографические подробности детства самого поэта: «с сыном – таким же как мой – где-то рядом – / моложе меня – здесь играл мой отец: / Карелия: год 41-й» («К розам моим у порога (сон с поэтом – П)», 1977) и др. Важно отметить, что время и образы детства у Айги соотносятся с пространственными образами особого типа: помимо связи с общеизвестными топосами поля, Родины, прослеживается их согласованность с условными топосами растения (дерева, цветка и т. п.) и тела, кроме того, поэт проявляет образы детства в местах смерти. Рассмотрим подробнее некоторые особенности реализации данного соотношения.

Несложно заметить, что природное пространство леса, поля, луга, долины и т. п. в ракурсе образов детства у Айги есть выражение чистого, светлого, мирного пространства: «о это / очищения / о поле: / спокойного и ровного! – / и воздух – детскостью-Односияет» («Другая дорога в поле», 1985). Вообще, согласно исследователю творчества Айги Г.А. Ермаковой, образ поля (позволим обобщить – природного пространства) является эстетической доминантой его произведений и сам по себе выступает в качестве «знака чистоты» [1, с. 16], поэтому, на наш взгляд, соединяясь с образами детства, природные топосы приобретают дополнительный позитивный смысл, усиливая уже суще-

ствующее значение. Так, например, белизна флоксов (одних из наиболее часто встречающихся цветочных образов в стихотворениях Айги), которые представляют собой пространство сада, – «как младенца в доме целомудрие» («Флоксы: безветрие», 1977), а тишина малинника качественно уподобляется божественной тишине детской комнаты: «малинник: / как в *детской* / молчание Бога» («Дорога из лесу: вечер», 1984).

Позитивное определение природного пространства можно объяснить биографически. Айги писал: «...я родился и вырос в чувашской деревне, окружённой бескрайними лесами, окна нашей избушки выходили прямо в поле, – из поля и леса состоял для меня – “весь мой мир”» [2, с. 155]. Вероятно, поэтому ребёнок в его стихотворениях органично вписывается в природные пространства, сливаясь с самой природой: «Девочка-бабочка. / Храм. / Девочка-бабочка. / Луг» («Мелькает Любочка», 1981). Так поэтически утверждается априорная связь человека и природы, что вполне отражает понятие, характерное для традиционного фольклорно-мифологического мышления чувашей, – *çураçтару*, которое обозначает всеобщую согласованность, гармонию [3, с. 32]. Здесь же отметим, что наиболее часто среди стихотворений Айги, включающих образы детства, встречается образ девочки: «уходит / как светлая нитка дыханием в поле» («Девочка в детстве», 1963) и др. (см. предыдущие примеры). Объяснение благоговения перед женскостью выражается в уже упомянутой книге «Тетрадь Вероники», в предисловии к которой поэт пишет: «Я всегда хотел иметь дочь. “Она, будущая”, мерещилась мне даже в юном возрасте. <...> ...С детства отталкивало меня *мужланство* (скажем, хемингуэйистского типа) и тянула к себе неопределимо-“священная” *женственность*... – может быть, это и было моим первым восприятием некой “природной поэзии”» [4, с. 12-13]. Образ девочки как образ «природной поэзии» также способен влиять на позитивное истолкование природного пространства, словно провозглашая его священную чистоту и гармонию.

Мир природы, конкретный природный топос (лес, поле, луг, сад и т. п.) у Айги порой сводится к единственному дереву или

цветку, и отдельное растение становится допустимым как место благодаря поэтическому фокусу. Поэт пишет: «Обращаясь к дереву, я не стремлюсь запечатлеть его в классически “очищенном” рисунке: по возможности я хочу “сказать все” о нём самом, включая в его “зону” и свои чувства, вызванные им» [2, с. 16]. В «зону растения» Айги нередко включаются элементы детскости, растение уподобляется ребёнку: «сквозь Бога Сосен / тень-излученье: / берёза-дитя» («Сосны-с-берёзой», 1976) и др. Основанием для подобного сравнения, на наш взгляд, является семантика первозданной чистоты, непорочности мира ребёнка и мира природы: «боярышник – при пении молчаливый: / как метроном божественный нетронутый / лесного целомудренного Детства!» («Места в лесу: вариация (П. С. (в Казанскую психиатрическую лечебницу специального типа вместо письма)»», 1974) и др. (О соотношении семантики непорочности детства с чистотой, невинностью того или иного явления, чувства – например, любви – см. у Э.Л. Михайлова и Ю.В. Кисариной [5, с. 203].)

«В метафоре «целомудренное детство» следует разглядеть ключ к постижению поэтического мировидения Айги, попытку выразить не столько художественное, сколько религиозно-мифологическое понимание природы». Природный топос растения, наделяемый элементами детскости, часто проявляется у Айги как торжество божественного творения, излучает божественное: «метрономом божественным / фосфоресцирующая / Дикая Яблоня / имени Детства» («Эклибрис – тебе – в стихах», 1983) и др. (см. предыдущие примеры). Этот факт даёт основание для рассмотрения растения, которое поэтически уподобляется ребёнку и присваивает черты божественности (например, розы у поэта – «христодети» («Куст розы в Татеве», 1968) и др.), как индивидуально-поэтического развития архетипа «божественного ребёнка» [6, с. 354]. Дерево, куст, цветок и т. п. – божественное дитя природы, являющейся, согласно библейскому мифу о происхождении сущего, также творением Бога. Оно «...персонифицирует жизненную мощь <...> и целостность», включающую в себя «глубины природы» [6, с. 370], несмотря на заложенную в понятии «детскости» семантику уязвимости.

Легко проследить на примере растительных образов-топосов реализацию принципа «меньше малого» и «больше большого», определяющего образ божественного ребёнка в мировой культуре [6, с. 370]: растение-дитя физически и семантически «меньше малого», но, согласно своему статусу божественности, – «больше большого». Таким образом, природное место растения преодолевает свои реальные, физические границы и становится топосом сакральным. Любопытно, что принцип смыслового парадокса, основанного на несовпадении физического и потенциального, реализуемый у Айги при создании растительного образа, обнаруживает перекличку с метафорой А.И. Введенского «цветок он сволочь, он дубрава» («Серая тетрадь», 1932–1933), которая выражает мощь единичного растения, в своей красоте равного по силе и значимости целой дубраве, даже самому человеку: «Он человека стал мудрее, / он просит имя дать ему. / Цветок мы стали звать андреем, / Он нам ровесник по уму» [7, с. 170–171].

Добавим, что природное место растения, имеющее черты детскости, у Айги может быть как одиночным предметом поэтического фокуса: «о Дерево – ты Божий сон приемлемый глазами / <...> / отечески шумишь – дитя в Господней памяти» («Оттиск: тополь», 1969) и др., так и предметом фокуса в ряду однородных объектов – таких же растений. Во втором случае оказывается возможной реконструкция целого топоса с явно обозначенными границами, которая осуществляется исходя из контекста стихотворения, а также с опорой на заглавия. Так, например, образы ив позволяют мысленно воссоздать пространство ивняка: «вздоргнуть и листья узнать словно шёпот / <...> / о мягком тумане-призрень – слезами в миру / серебрящегося / детства бесстрастного! – ивы такие: уснуть!» («Ивы», 1969), а образы цветов – пространство цветочного сада: «в волнах – вечернего / движенья светового – / спокойно – детство их» («Вновь – соседство роз», 1983) и др. В этом заключается одна из особенностей физического представления пространства в поэзии Геннадия Айги – способность к расширению, причём если конкретное растение – это «ребёнок», «дитя», то для характеристики места группы растений может использоваться отвлечённое понятие «детство».

По мнению А.В. Никитиной, растительные образы Айги соотносятся с мифологическими образами культуры чувашского народа (родной культурой поэта) [8, с. 109]. Мотив детскости растения, его антропоморфизация (детство является периодом человеческого становления), определение как особого места закономерно возникает из мифологических родовых представлений поэта об одухотворенности растительного мира: «дерево мыслилось как организм, имеющий душу» [8, с. 109]. Между тем каждая из разновидностей растений (цветов: розы, флоксы и др.; деревьев: ива, сосна, боярышник, берёза, яблоня и др.), рассматриваемая как специфический топос, помимо того, что обладает индивидуально-поэтическим значением в том или ином контексте, вероятно, имеет связь с общекультурными и национально-мифологическими значениями растений (детальное рассмотрение данного вопроса не входит в задачи представленной работы и требует отдельного, более тщательного исследования). Образы деревьев у Айги могут также получить интерпретацию в качестве архетипа «мирового древа», соединяющего земное, профанный мир (низ) и сакральное, божественное (верх), являющего не только значение локального, но и вертикальную протяжённость, расширяющее пространство до Вселенной, что позволяет сделать предположение об универсализации природного пространства (об архетипе мирового древа у Айги см. [1, с. 10, 33]).

Тело становится возможным как место тоже благодаря поэтическому фокусу (о выделении телесного пространства см. статью Е. Андреяновой [9]). Сам Айги говорил о том, что его объект – «места в лесу, места-поля, даже – места-люди, место – я сам» [2, с. 18], обозначая пространство как таковое, конкретизируя его природными топосами, и тело как часть этого пространства. Телесное у поэта имеет семантику места, включающего в себя. Рассмотрим здесь точкой фокуса не тело вообще, а детское тело.

Наиболее полно телесное ребёнка (снова заметим – девочки) как пространство представлено в вышеупомянутой книге «Тетрадь Вероники», в которой поэт осмысляет первые месяцы жизни своей дочери: «это звучание [колыбельной; примеч. наше. – Т. К.] –

из сердцевины / будто всем-миром-родного! / и кружится кругом – из доньев / мало-огромного *ты*» («Колыбельная? Эта – твоя», 1983). Малое пространство детского тела выступает в качестве вместилища, безграничного топоса: «а в худенькой Асе / не умещается / доброта! и лицо – без границ: / будто шумяще-сверкающая улица» («Часто подходит к нам пятилетняя Ася», 1983) и др. Поэтическая гиперболизация является выражением признания лирическим «Я» безусловной значимости человеческого существа на самом раннем этапе его жизни – в детстве. Поэт не только актуализирует тело ребёнка в пространстве, но и утверждает его как всеобъемлющее пространство, как место возрастающей силы («мир Возрастает / в нём» («Первая неделя дочери», 1983)), продолжая тем самым традицию гротескного тела: тело причудливо и фантастично, гиперболично, «космично и универсально», «может заполнить собою весь мир» [10, с. 315], однако создаёт не комически сниженный образ, а поэтически возвышенный. В свободе выражения поэтической интенции и создания художественного образа Айги, безусловно, наследует традиции авангарда, с позиции которого не раз рассматривалось его творчество.

Гиперболизацию топоса детского тела необходимо рассматривать с точки зрения архетипа божественного ребёнка, как и образ растения: оно, как индивидуальное явление, физически «меньше малого», но, как эквивалент мира, «больше большого», оно есть «сильнейший и неизбежный порыв сущности», обладающий «...непреодолимой силой, даже если её действие поначалу неприметно и неправдоподобно» [6, с. 370-371]: так, например, подлежит истолкованию эпитет-оксюморон «мало-огромное *ты*». Как замечает Т. Грауз, анализируя стихотворение «Играя “в пальчики”» из той же книги «Тетрадь Вероники», «Детство – как сжатие бездонной музыки в крошечном существе (человеке), в его улыбке, ноготках, лепестках его таинственной – приоткрывающей вдруг внезапно – с мукой – приоткрывающей тайны жизни» [11], также акцентируя внимание на телесном ребёнке как содержащем в себе. Телесное как малый топос, становящийся всевещающим, глобальным пространством,

вытесняет поэтический фокус панорамой видения, его расширением, универсализацией.

Образы детства включаются в стихотворения Айги опосредованно через лексемы «детство», «ребёнок» и т. п., они имеют, как правило, отвлечённый характер (о чём уже упоминалось), связываются с природными топосами (лес, поле и др.) и могут быть обусловлены формой лирического воспоминания: «леса до которых / я никогда не добрался – / детское что-то я помню» («Леса – вспять», 1985); «собака бегущая сквозь рожь» («Внезапное воспоминание», 2001) и др. Айги писал: «Есть у меня и своя “личная” причина мысленно-и-стихотворно возвращаться к детству. Даже человеческий мир, увиденный *тогда*, связанный с теми далекими восприятиями, был благороднее того, с которым пришлось мне столкнуться потом. <...> ... Я жил в мире, где *воображение людское* казалось направленным по подлинному своему назначению, – было творящим, “как у бога”, а не алчно-разрушительным» [2, с. 161]. Замечания самого автора оказываются важными с точки зрения понимания его поэтической идеи, поскольку отсылки ко времени детства зачастую обнаруживают связь между «тогда» («время детства») и «сейчас», «там» («места детства») и «здесь» (об оппозиции «там» и «здесь» у Айги см.: [12, с. 257-258]).

Одним из проявлений связи «тогда» и «сейчас», «там» и «здесь» является открытая оппозиция мира детства (чистоты) и мира взрослого (рукотворного зла). Время XX века («сейчас») у Айги имеет статус смертного времени: это «век бойни людей» («Родное», 1958); «время Костодробителей» («Поэт (К 60-летию Яна Сатуновского)», 21 февраля 1973); «Быдло-История, не-текущее время – застывшее поло-бесцветно / пустым монументом победы Не-жизни» («Ветка вербы в окне (Памяти Константина Богатырёва)», 1976) и др. – всё это составляет мир взрослого, мир насилия и смерти. Мир детства – прошлого («тогда») – выступает противопоставлением миру взрослого: «была как лужайка страна / мир – как лужайка / там были берёзы-цветы / и сердце-дитя» («О да: родина», 1975); «верба / цветёт – / лепечет / младенец! / <...> / в той – незапятнанной – Родине» («Дом за городом», 1977) и др. Мир взросло-

го представлен местами смерти (мortalными пространствами), местами насилия: *блатными* (или блатными местами) камеры, подвала и т. п., шире – страны: «страна Изготовительница трупов» («Прощальное», 1978) и даже мира: «*Освенцим-мир*» («Стланик на камне», 1982). Мир ребёнка обозначается природными (в том числе конкретно растительными) топосами: лужайка, берёзы-цветы, цветущая верба и др. Это пространство жизни и красоты.

Как уже было сказано, время детства и связанные с ним образы способны позитивно определять пространство. При этом образы детства у Айги не только создают открытую оппозицию смертным образам, но и порой сопутствуют им. Например, человек, подвергнутый насилию в местах смерти, в своей уязвимости может уподобляться ребёнку, младенцу как высшей степени незащитности. Так, в стихотворении «И: едино-овраг» (1984) памяти Кшиштофа Камиля Бачиньского, погибшего в 1944 году в ходе Варшавского восстания, польский поэт назван «младенцем-Бачиньским», «ребёнком»: «чуя (и душу как кровь из младенца знаменами / рвья-и-крича в разверзанье) / чуя-едя бесконечным собако-дыханием / кратер оврага / <...> / ветр будто лепет младенца-Бачиньского / (вот вам цветочек-такой-иероглиф- / могучего-сверхсо-вершенства-дрожанье – / теперь-то дошло как раненье ребёнка / бесстыдное тонкостью)». Поэтическое переживание насилия над человеком выражается посредством образа зверски растерзанного детского тела.

Айги очерчивает смертное пространство, изжившее из себя понятие *homo humanus*, и детское, вторгаясь в это пространство, отвоевывая себе место, служит о нём напоминанием: «и знай и знай: / там детскость есть – / включенная / на срок недолгий! / <...> / бла-яд: / ведь им / расцветена давно: / потусторонность в этом доме: / что миром детства называлась! / за кокурою детской трепетности: / он есть он тёмн: / остр и чужд» («Снова к празднеству», 1969). В книге стихов «Тетрадь Вероники» (1984) Айги пишет: «Там, где люди не уважают людей, они вполне любят детей <...>. *Уважение* же к *детям*, сознательное уважение к ним, обязательно требует определенного духовно-религиозного уровня» [2, с. 15]. Вероятно,

под «сознательным уважением» понимается уважение не только к детству, но и человеку вообще, ведь вряд ли духовно-религиозное предполагает избирательность в моральном отношении. Поэт обнажает то детское, беззащитное, что есть в каждом человеке, достойное безусловной неприкосновенности. Так проявляется гуманистический пафос его творчества.

Подводя итоги, необходимо обозначить, что время и образы детства у Айги, относясь к пространствам разного типа, обнаруживают связь между прошлым и настоящим лирического субъекта, задают те или иные качественные характеристики топоса. Поэт осмысляет действительность через обращение к детству как жизнеутверждающей категории, проявляя либо хаос антропогенных про-

странств, либо гармонию природных. Пространственные образы в контексте образов детства могут быть рассмотрены с точки зрения национально-мифологических эстетических установок автора, а также общекультурных образов (гротескное тело, божественный ребёнок). Айги художественно преодолевает границы реального, физического топоса, расширяет его до универсального пространства, возводит в разряд сакральных.

Результаты исследования позволяют углубить понимание эстетики художественного пространства поэта и могут послужить одним из источников для дальнейшего изучения топосов как поэзии Геннадия Айги, так и поэзии XX века вообще (в частности, с позиции образов детства).

Список литературы

1. *Ермакова Г.А.* Эстетические основы художественного мира Г.Н. Айги: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2004.
2. *Айги Г.* Разговор на расстоянии: статьи, эссе, беседы, стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. 304 с.
3. *Ильина Г.Г., Мышкина А.Ф.* Фольклорно-мифологическое значение фитонимов в поэтике чувашских произведений // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Тамбов: Грамота, 2016. Ч. 3. № 6 (60). С. 29-32.
4. *Айги Г.* Тетрадь Вероники // Айги Г. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Гилея, 2009. Т. 4. 155 с.
5. *Михайлов Э.Л., Кисарина Ю.В.* Структура образов в поэзии Г. Айги // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы 22 Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 201-206.
6. *Юнг К.Г.* Божественный ребёнок: воспитание. М.: О. АСТ-ЛТД, 1997. 400 с.
7. *Введенский А.И.* Все. М.: ОГИ, 2011. 736 с.
8. *Никитина А.В.* Мифологические образы пространства в творчестве Г. Айги // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2017. № 3 (95). Ч. 2. С. 107-115.
9. *Андреянова Е.* Влияние супрематических идей К. Малевича на поэтические концепции пространства в творчестве Г. Айги 1960–1980-х годов // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2017. Т. 13. № 3. С. 289-296.
10. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 4 (1). 1120 с.
11. *Грауз Т.* О неподцензурной музыке в поэзии Геннадия Айги // Интерпоэзия. 2018. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/o-nepodcenzurnoj-muzyke-v-poezii-gennadiya-ajgi.html> (дата обращения: 22.02.2020).
12. *Никитина А.В.* Геннадий Айги: ландшафты «здесь» и «там» // Никоновские чтения: в 2 т. М., 2016. Т. 2. С. 256-259.

References

1. Ermakova G.A. *Esteticheskiye osnovy khudozhestvennogo mira G.N. Aygi: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Aesthetic Basis of Gennadiy Aygi's Literary World. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Cheboksary, 2004. (In Russian).
2. Aygi G. *Razgovor na rasstoyanii: stat'i, esse, besedy, stikhi* [Conversation at the Distance: Articles, Essays, Conversations, Poems]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 2001, 304 p. (In Russian).
3. Ilina G.G., Myshkina A.F. *Fol'klorno-mifologicheskoye znachenie fitonimov v poetike chuvashskikh proizvedeniy* [Folklore-mythological meaning of phytonyms in the poetics of the Chuvash artistic works].

- Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 3 ch. – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice: in 3 pts.* Tambov, Gramota Publ., 2016, pt 3, no. 6 (60), pp. 29-32. (In Russian).
4. Aygi G. Tetrad' Veroniki [Veronica's Notebook]. In: Aygi G. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Moscow, Gileya Publ., 2009, vol. 4, 155 p. (In Russian).
 5. Mikhaylov E.L., Kisarina Y.V. Struktura obrazov v poezii G. Aygi [Images structure in the Gennady Aygi's poetry]. *Materialy 22 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Pushkinskiye chteniya – 2017. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst»* [Proceedings of the 22nd International Scientific Conference "Pushkin Readings – 2017. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text"]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2017, pp. 201-206. (In Russian).
 6. Yung K.G. *Bozhestvennyy rebenok: vospitaniye* [Divine Child: Parenting]. Moscow, O. AST LTD Publ., 1997, 400 p. (In Russian).
 7. Vvedenskiy A.I. *Vse* [All]. Moscow, OGI Publ., 2011, 736 p. (In Russian).
 8. Nikitina A.V. Mifologicheskiye obrazy prostranstva v tvorchestve G. Aygi [Mythological images of space in the works of G. Ayghi]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Y. Yakovleva – I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2017, no. 3 (95), pt 2, pp. 107-115. (In Russian).
 9. Andreyanova E. Vliyaniye suprematicheskikh idey K. Malevicha na poeticheskiye kontseptsii prostranstva v tvorchestve G. Aygi 1960–1980-kh godov [The influence of K. Malevich's suprematist ideas on the poetic concepts of space in Aygi's works of the 1960–1980s]. *Letnyaya shkola po russkoy literature* [Summer School of the Russian Literature]. St. Petersburg, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 289-296. (In Russian).
 10. Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, LRC Publishing House, 2008, vol. 4 (1), 1120 p. (In Russian).
 11. Grauz T. O nepodtsenzurnoy muzyke v poezii Gennadiya Aygi [On the uncensored music in Gennadiy Aygi's poetry] *Interpoeziya* [Interpoetry], 2018, no. 3. (In Russian). Available at: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/o-nepodtsenzurnoj-muzyke-v-poezii-gennadiya-aygi.html> (accessed 22.02.2020).
 12. Nikitina A.V. Gennadiy Aygi: landshafty «zdes'» i «tam» [Gennadiy Aygi: the landscapes "here" and "there"]. *Nikonovskiye chteniya: v 2 t.* [Nikon Readings: in 2 vols.]. Moscow, 2016, vol. 2, pp. 256-259. (In Russian).

Информация об авторе

Кудрякова Татьяна Витальевна, аспирант, кафедра «Русский язык как иностранный» Международного института. Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск, Российская Федерация. E-mail: tatiusw@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ поэтических текстов, представленных в основных сборниках стихотворений Геннадия Айги, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0610-871X>

Поступила в редакцию 22.03.2020 г.

Поступила после рецензирования 12.05.2020 г.

Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the author

Tatiana V. Kudryakova, Post-Graduate Student, the Russian as a Foreign Language Department of the International Institute. Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russian Federation. E-mail: tatiusw@mail.ru

Contribution: study idea, poetic texts analysis presented in the main collections of poems by Gennadiy Aygi, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0610-871X>

Received 22 March 2020

Reviewed 12 May 2020

Accepted for press 22 May 2020